

Rolandas Kregždys
Lietuvių kalbos institutas, Vilnius
rolandaskregzdys@gmail.com

МЕТОДИКА И КРИТЕРИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОЛОНИЗМОВ ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА

Słowa kluczowe: język litewski, język polski, zapożyczenia leksykalne, polonizmy, identyfikacja zapożyczeń, etymologia

Keywords: Lithuanian, Polish, lexical borrowings, Polonisms, identification of loanwords, etymology

ВВЕДЕНИЕ

К *полонизмам*, или заимствованиям из польского языка, относятся не только слова западнославянского происхождения, которые в литовский язык попали непосредственно из выше упомянутого, но и из ближайших соседних восточнославянских языков, в первую очередь — канцелярского языка Великого княжества Литовского (далее ВКЛ). В данном случае это правило применяется только тогда, когда морфологическая структура заимствования и его семантическая совокупность являются идентичными по отношению к лексической или смысловой единице (т.е. синтагмы) первоисточника польского языка.

В словарный состав лексикологического свода *Словарь полонизмов литовского языка* (далее СПЛЯ [о нём подробнее см. Kregždys 2012: 125 и т.д.]) включены не только слова исконно славянского лексического пласта (т.е. рефлексии праславянской словарной базы) польского языка, но также те *полонизмы*, первичная форма которых прослеживается в лексиконах *и т а л и й с к и х* (в том числе, и *романских*), *германских*, *тюркских* и др.

народов. В литовский язык, тем не менее, они были заимствованы из польского, чем обусловлен его статус, как языка-посредника (ср. Brückner 1877: 66 и т.д.; Skardžius IV: 80 и т.д.; Palionis 1967: 273–286; Zinkevičius 1988: 136; Urbutis¹ 2009: 410, 419, 432 и др.).

1. Система классификации полонизмов. Принципы этимологического анализа славянизмов

В СПЛЯ полонизмы подразделяются на 3 основные группы:

- 1) **мо н о г е н н ы е** (т.е. однородные, не представленные в лексическом составе восточнославянских языков);
- 2) **н е о п р е д е л е н н ы е**, при кодификации которых рядом с первичными лексемами польского языка, приводятся также рефлексии заимствований восточнославянских языков западнославянского происхождения, которые в литовский язык могли попасть из вышеупомянутого ареала (старо-)белорусского или (старо-)русского языков, при этом, учитывается морфологическая и семантическая совокупность заимствования (подробнее см. о. *Введение*) и его первоисточника (к такому методу раньше прибегали Макс Фасмер, коллектив авторов ЭСБМ и др.);
- 3) **а л ь т е р н а т и в н ы е**, этимологический статус которых предопределяет выделение 2 подгрупп:
 - 3а) **пра с л а в я н с к о й** (т.е. унаследованного словарного состава) или **з а п а д н о с л а в я н с к о й** лексики *de origine*, при этом учитывается отсутствие структурно-семантических вариантов в белорусском **или**² русском языках;
 - 3б) **д у б л е т н ы х л е к с и ч е с к и х в а р и а н т о в** не славянского происхождения, при этом слова западно- и восточнославянского лексикона, предопределяющие поочередное этимологическое звено литовского заимствования, возводиться к различному первоисточнику. К данной подгруппе также причисляются **с е м и п о л о н и з м ы** (т.е. альтернативные **п о л о н и з м ы - с е м и т и з м ы / п о л о н и з м ы - л а т и н и з м ы - г р е ц и з м ы**), этимологическая разновидность которых является дуалистической, но по принципу традиционной корреляции относятся к лексическому суперстрату западных славян.

1 В своих трудах более позднего периода этот исследователь (см. LKE 590–591) придерживается другой позиции, т.е. такие заимствования он причисляет к неопределенным славянизмам (см. 2 сноску), а не полонизмам.

2 Если лексические варианты польских слов (унаследованного словарного пласта) представлены и в (старо-)белорусском, и в (старо-)русском языках, такие заимствования литовского языка принято причислять к группе *неопределенных славянизмов*.

Придерживаясь принципа этимологического анализа полонизмов, заимствования такого рода распределяются на: 1) унаследованные слова (формы праславянского лексического пласта) — этимологическое звено которых в СПЛЯ намеренно опускается; 2) рефлексии первоисточника других западнославянских языков (в частности — (старо-)чешского), при унаследованном статусе которых этимологический анализ также не приводится; 3) лексем не славянского происхождения (напр., германского, итальянского; угорского, семитского и др.), которые в обязательном порядке сопровождаются этимологической описью.

Примечательно, что к числу полонизмов причисляются также окказионализмы (ср. Целунова 2006: 129; ещё см. Гарбуль 2009: 43).

Сегрегация германизмов и полонизмов, представляющих диалектный первоисточник немецкого языка разного периода, производится по принципу формального (т.е. фонеморфологического несоответствия и семантической конгруэнции лексем) и ареального (об этом принципе подробнее см. LKE 214–215; Zinkevičius 1978: 150) разграничения.

Этиология лексем, причисляемых к пласту международных слов, установление которой, по словам Винцаса Урбутиса (Urbutis 2009: 410, 419, 432), является весьма трудно решаемой задачей, обосновывается на результатах этимологических исследований этих слов.

При классификации заимствований по результатам этимологического анализа (о важности которого подробнее см. Palionis 1967: 270), особое внимание уделяется временной субординации, т.е. I. полонизмы, засвидетельствованные в письменных источниках старолитовского (XVI–XVII вв.) языка возводятся к лексемам старо- (2-ая половина XII в. — XV в.) или среднепольского (XVI–XVIII вв.) периода, которые в свою очередь являются первоисточником лексических эквивалентов старобелорусского (т.е. ВКЛ) языка; II. заимствования более позднего периода, зафиксированные в письменных источниках, начиная с XVIII в., а также диалектизмы и нормативная лексика литературного литовского языка, соотносится с лексемами средне- или польского нового (с XIX в.) периода, а также лексическими эквивалентами белорусского языка, если таковы существуют.

По образу структурной совокупности, полонизмы распределяются на лексические (морфологически — однородные и гибриды, а также структурно-семантические кальки) и синтагмы (ещё см. Kregždys 2012: 128). Учитывая особенности их ареального распространения, выделяются диалектизмы, т.е. заимствования, употребление которых засвидетельствовано лишь в говорах литовского языка, а также слова литературного языка (которые в аналитическом словаре (о лексических сводах данного типа подробнее см. Kregždys 2012: 125–126) группируются по принципу соответствия языковых норм, т.е. выделяются слова, подверженные кодификации — нормативная лексика и лексические единицы, которые таковой не подлежат, т.е. варваризмы).

2. Критерии по идентификации полонизмов

Методика идентификации и кодификации полонизмов основывается на ниже перечисленных критериях:

I. к полонизмам *не причисляются* те лексемы (идентичны по морфологическому строению и семантической совокупности, первоисточником которых являются

I.1. праславянская форма (ещё см. 2 сноску);

I.2. слова не славянского (или даже не И-Е) происхождения (см. I. раздел), употребление которых свойственно для всех трёх, соседствующих с литовским, славянских языков (их влияние на литовский язык, по принципу ареального воздействия, обусловлено феноменами языковой интерференции и экспансии): польского, белорусского и русского (в особенности, старорусского, т.е. периода церковнославянского языка), ср.

I.1. примеры первоисточника праславянских форм:

brega (ж. р.) 'край, побережье' (LKŽe)

↔ (ст.-/ср.-)польск. (диал.) *brzeg* 'побережье; край, окраина; сторона; кайма' (SW I: 217–218; SPXVI II: 463–467; SGP II³: 600–601; ср. ALEW³),

|| ст.-блр. *брегъ* 'берег', др.-русс. *брегъ* 'обрыв; берег' (ГСБМ II: 213; СРЯВ I: 329; ещё см. ЭСБМ I: 345; Schuster-Šewc I: 67–68; Шанский I²: 93–94) ~ ст.-слав. *брѣгъ* 'берег; побережье; бездна; обрыв' (ЭССЯ I: 146),

< праслав. **bērgъ* (ЭССЯ I: 191–192; Derksen 2008: 37) и др.;

I.2. примеры первоисточника других (и не И-Е) языков:

úogeras (м. р.) 'жеребец' (LKŽe)

← (ср.-)польск. *ogier* 'жеребец' (< тюрк. **āyır*, ср. чув. *айяр* 'жеребец', ещё ср. тат. *ай-гыр* / тур. *aygır* 'жеребец' [SW III: 705; SL III: 483; Brückner 1985: 382; Фасмер III: 155; Stachowski 1995: 167; Аникин I: 120; Ашмарин I: 194; ЕСУМ IV: 152; ЭСБМ II: 178; DDT 6; Юсипова 2005: 46]),

|| блр. диал. *óger* 'жеребец' (Цыхун 1993: 97), русск. *огёръ* 'тж.' (Даль II: 642 [тюркизмы]) и др.;

II. сегрегация полонизмов и других славянизмов проводится, основываясь на ниже перечисленных фонетических особенностях / признаков формального различия лексем западно- и восточнославянских языков:

3 Авторы ALEW ст.-лит. *brega* относят к группе моногенных полонизмов.

II.1. при наличии **назальных гласных** польского первоисточника и о т с у т с т в и и т а к о в ы х в заимствованной лексике литовского и словах западнославянского происхождения (ст.-)белорусского (и соответственно других примерах восточнославянских) языков, данный фактор фонетического несоответствия используется как один из важнейших аргументов в пользу этимологической кодификации б е л о р у с и з м о в и/или р у с и з м о в (примечательно, что этот критерий разделения славянизмов опять-таки оспаривается В. Урбутисом (Urbutis 2009: 428), выразившим сомнение по поводу продолжительности употребления назальных согласных в самом польском языке, поскольку со 2-ой половины XVI в. для некоторых наречий этого западнославянского языка и разговорной речи знати было свойственно нивелировать различия между носовыми и неназальными звуками (подробнее см. Dejna 1973: 193–195); всё-таки, основываясь на методике [т.е. аргументации, основанной на употреблении назальных звуков (ср. Urbutis 2009: 440)] выше упомянутого исследователя, к которой он прибегает, распределяя славянизмы, эта особенность польского языка [по словам Яна Отрембского (Otrębski 1964: 207), использование назальных является признаком языкового консерватизма] применяется при сегрегации западно- и восточнославянских заимствований):

ākrūtas 1 (м. р.) ‘корабль, пароход’ (LKŽe)

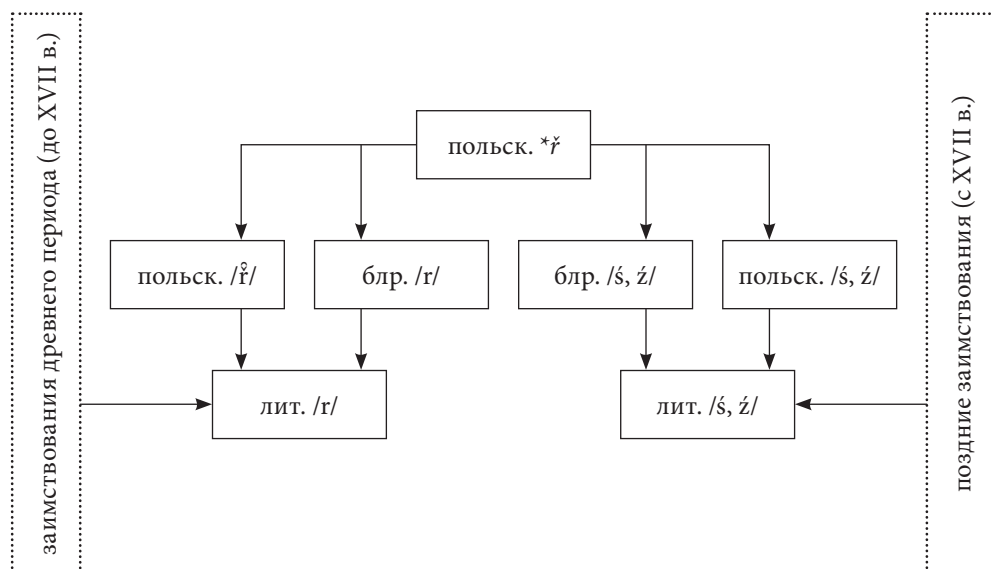
↔ ст.-блр. *окрутъ* (*окрентъ*) ‘корабль’ (ГСБМ XXII: 174–175, 155–156; Булыка 1980: 121), блр. диал. *окрент* ‘тж.’ (ЭСБМ VIII: 82) ← *ѣ* (ст.-/ср.-) польск. *okręt* ‘парусный или весельный корабль; большой морской корабль и др.’ (SW III: 751; SPXVI XXI: 264–266; ср. ALEW) и др.;

II.2. основываясь на соотношении **сонорного *p* /r/** и **щелевых согласных *u* /ś/** и ***ж* /ž/**:

II.2.1. если в лексеме (ст.-)белорусского языка (она может возводиться к западнославянскому или праславянскому первоисточнику) присутствует сонорный *p* /r/, который представлен и в литовском заимствовании, а в польском — варианты с щелевыми *u* /ś/ или *ж* /ž/ (правда, до сих пор звуки /r/ // /ś/ ↔ /ž/ фонологами изъясняются как типологически идентичные (ср. Būga II: 487; Kardelis 2003: 81), хотя первичная доминанта перехода фрикативного во вторичный сонант [похожее изменение прослеживается и в структуре полонизмов, зафиксированных в говорах украинского языка (подробнее см. Алексеева 2008: 170, 172–173)), представленный в заимствованиях, не может быть воспроизводим, ср. I. (заимствовано до XVII в.) ст.-блр. *речь*, *речь*, *рѣчь* ‘вещь, предмет; богатство; суть и др.’ [ГСБМ XXX: 91–97] / II. (позднее заимствование, начиная с XVII в.) блр. диал. *жэч* ‘предмет; дело’ (ТСБМ IV: 765) ← (ст.-/ср.-)польск. *rzecz* ‘умение говорить; беседа; вещь, предмет, объект и др.’ (GS 176–177; SW V: 807–809; Brückner 1985: 475) → лит. *riečià* (ж.р.) ‘предмет, вещь; причина’ (LKŽe)),

при идентификации полонизмов используется критерий временной адаптации, основанный на закономерностях фонетических изменений западнославянских языков, т.е. польск. **ř* (< **rĭ*) был подвержен спонантизации (/ř/), соответственно переходу в ř /ž/ или в /ś/, начало которой датируется XIII в. (Rozwadowski I: 192; Walczak 1995: 69–70, 76, 95, 107, 120), а произношение твердого ř сохранялось вплоть до XVII в. (Ананьева 1994: 128; Walczak 1995; Strutyński 2002: 69; ещё см. Dejna 1973: 109–112):

Схема 1. Дистрибуция полонизмов по принципу изменения фонем, обусловленного временным фактором: польск. **ř* → I. лит. /r/, блр. /r/ (заимствования древнего периода); II. лит. /ś, ž/, блр. /ś, ž/ (поздние заимствования)

II.2.2. если употребление альтернативных лексем (т.е. польской с щелевым согласным ж /ž/ ↔ белорусской — с сонорным р /r/) не засвидетельствовано, слова с фрикативным ж /ž/ изъясняются (основываясь на закономерностях фонетической модуляции западнославянских языков (см. II.2.4. подтип)) как первичные формы заимствований литовского языка с сонантом р /r/ (ср. лит. *paŋamõ-r-ė* ‘управляющий имением’ (LKŽe) ← (ст./ср.-)польск. *podkomo-rz-e* ‘представитель ведомства по землеустройству, в ведении которого было решение споров земельной принадлежности; высочайший титул придворного Речи посполитой и др.’ (SW IV: 364; SPXVI XXV: 443–444));

II.2.3. если щелевой согласный ж /ž/ слов польского языка соответствует фонетическому статусу литовских заимствований с фрикативным ж /ž/, альтернативные белорусские лексемы с сонорным р /r/ изъясняются как структурно

несовместимые по отношению к выше упомянутым литовским формам, по этой причине, такие заимствования причисляются к группе моногенных полонизмов (ср. лит. диал. *pu-ž-ečkà* ‘чёрная смородина’ (DvŽ II: 151) ← ст.-польск. *po-rz-eczki* (мн.ч.), (ср.-)польск. (диал.) *po-rz-eczka* ‘смородинный куст; чёрная смородина (*Ribes nigrum* (L.)); смородинка; крыжовник (*Ribes grossularia*)’ (SW IV: 729; SPXVI XXVII: 427; Karł IV: 277) → Ж блр. *na-p-эчка* ‘смородинка’ (БРС II: 940; ЭСБМ VIII: 173));

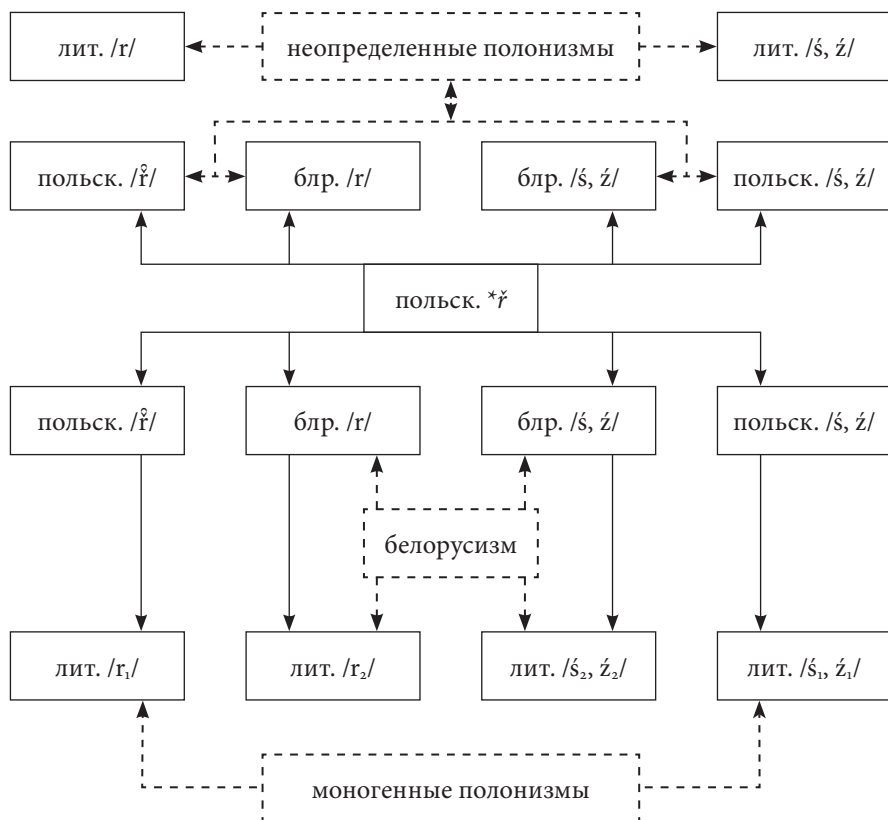
II.2.4. закономерности фонетических соответствий и/или различия заимствований западнославянского происхождения II.2.1.–3. подтипов в первую очередь должны изъясняться, основываясь не на формальной констатации присутствия альтернативных фонотактических звеньев⁴, возникших в последствии процесса звуковой адаптации, по отношению к фонологическим системам литовского и/или (старо-)белорусского языков (о них подробнее см. Girdenis 1995: 105 и т.д.; Чахоўскі, Чахоўская 2010: 34 и т.д.)⁵, но на принципах диахронического характера фонетических изменений польского языка, изложенных в II.2.1. подтипе (ещё см. схему 1), ссылки на которых, вместе с тем, и на фиксации лексических инвариантов, видимо, должны преобладать в процессе сегрегации полонизмов (см. схему 2), ср., напр., (ст.-)лит. *k-r-ỹžius* ‘столб с одним поперечным брусом на верхней его части — главный символ католической веры и др.’ (LKŽe) // ст.-блр. *к-р-ыжъ, к-р-ижъ* ‘столб с одним поперечным брусом, употребляемый во время смертной казни через распятие; балка с одним или двумя поперечными брусьями — символ католической веры; знак креста; нижняя часть позвоночника’ (ГСБМ XVI: 193–194; Булыка 1980: 183), блр. *к-р-ыжъ, к-р-ыж* ‘символ католической веры; два обрубка, сложенные крестом; крестец (у животных); на крест сложенная подставка, на которую ставят квашню, для замеса хлеба’ (Н 256; БН 152; ЭСБМ V: 129) ← (ст.-/ср.-)польск. *k-rz-yż* ‘орудие позорной смерти, использовавшееся в древности; два обрубка, сложенные крестом, на которых распинали осуждённых; крест Иисуса Христа и др.’ (SW II: 601–602; SPXVI XI: 352–359; SStp III: 419; Kudzinowski 1974: 99; Sławski III: 257), которое в виду идентичного статуса польск. /ř/ и фонетических вариантов (старо-)белорусского языка может быть причисляемое к группе неопределённых полонизмов. Значит,

4 При отсутствии таковых, первичные формы западнославянских и их восточнославянские лексические варианты причисляются, в случае структурной идентичности и семантической совокупности, к группе альтернативных полонизмов, присутствие которых в литовском языке предопределяет принадлежность к тому же самому пласту заимствований.

5 Системный анализ фонотактических звеньев необходим в случае присутствия двухкомпонентных сочетаний согласных, которые, по мнению Аляксаса Гирдяниса (Girdenis 1995: 107), „<...> представляют собой не спорадический конструкт, но структурную единицу, чьё возникновение обусловлено системой фонетических закономерностей <...>“.

утверждение (см. LEŽ 317), якобы лексема лит. *krūžius* ‘крест’ представляет собой белорусизм, должно восприниматься как образец ложной методики по идентификации славянизмов, которая нуждается в значительной коррекции.

Схема 2. Корреляция полонизмов по признаку фонетических изменений: I. лит. /r/ ← польск. /r̥/, блр. /r/; лит. /ś, ź/ ← польск. /ś, ź/, блр. /ś, ź/ ⇒ неопределенные полонизмы; II. лит. /r/ ← польск. /r̥/ // блр. /r/; лит. /ś, ź/ ← польск. /ś, ź/ // блр. /ś, ź/ ⇒ моногенные полонизмы // белорусизмы

II.3. в виду несоответствия фонологического статуса (старо-)белорусского (и других лексем восточнославянских языков, первоисточником которых является формы польского языка) зубного согласного *д* /d/, представленного в литовских заимствованиях, и польских аффрикат *дз* /dz/, *дж* /dʒ/:

dėkavõnė 2 (ж. р.) ‘благодарность, благодарение’ (LKŽe)

← ст.-блр. *дякованье, дяковане, дякование* ‘благодарность, благодарение’ (ГСБМ IX: 135–136) ≠ блр. *дзякованне / дякаванье* ‘тж.’ (Н 134; БН 95) ← ≠ ср.-польск. *dziękowanie* ((ст.-/ср.-)польск. *dziękowanie*) ‘благодарность, благодарение; прощание; ответ на поздравление’ (< ср.-в.-нем. *danc* ‘благодарность’ (SW I: 655; SPXVI VI: 465–467; Kluge 2002: 180)) и др.;

II.4. на основании фонетических инноваций (старо-)белорусского языка, присутствующих в литовских заимствованиях, первоисточником которых является польские лексемы:

II.4.1. при соотношении глухого зубного согласного *m* (лит. *t*) и глухих зубных аффрикат *ц*, *ч* (лит. *с*, *č*):

maticà 2 (ж. р.) 'утроба' (LKŽe)

← ст.-блр. *матица* 'утроба; основание; главная часть корабля' (ГСБМ XVII: 284–285), блр. *матица* 'утроба (*uterus*)' (ЭСБМ VI: 277) ≠ др.-русс. *матица* 'мать; начало, основа; магнитъ' (Срезневский II: 119), русск. *ма́тица* 'балка, брусъ поперекъ всей избы, на которомъ настланъ накатъ, потолокъ; раковина и др.' (Даль II: 307–308) ← \nexists (ст.-/ср.-)польск. *tacica* 'утроба; главный корень и др.' (SW II: 838–839; SPXVI XIII: 6–8);

švočkà 2 (ж. р.) 'участница традиционной литовской свадьбы; подружка невесты со стороны жениха' (LKŽe)

← блр. диал. *шва́чка* 'подружка невесты со стороны жениха' (СБГП V: 475; ЭСБМ XII: 12) ← \nexists польск. *swatka*, диал. *szwatka* 'сватья; замужняя женщина, принимающая участие в свадебном торжестве; подружка невесты со стороны невесты' (SW VI: 525, 693; Karl V: 271) и др.;

II.4.2. на основании несоответствия глухих зубных аффрикат *ц* ↔ *ч* (лит. *с* ↔ *č*) по отношению к первоисточнику польского языка:

cviklòvas, -à 'красный, алый' (ZtŽ 112)

← блр. диал. *цвіклёвы* 'им. прилаг. свекольный; (им. сущ.) сорт свёклы' (СБГП V: 341; Сцяшкови́ч 1983: 531) ← \nexists польск. *ćwiklowy* 'свекольный' (SW I: 419) и др.;

II.4.3. в случае несоответствия щелевых (зубных) *с*, *з* (лит. *s*, *z*) и фрикативных (альвеолярных) *ш*, *ж* (лит. *š*, *ž*) согласных⁶:

lazbỹnos 2 (ж.р., мн.ч.) 'медосбор' (LKŽe)

← блр. диал. *ла́зьбіны*, *лазьбі́ны* 'пробование мёда в день медосбора' (Мацкевіч 1975: 211; СБГП II: 606–607; ещё см. ЭСБМ V: 206) ← \nexists польск. *łaźbiny* 'время медосбора' (ЭССЯ XIV: 77; ср. Sławski V: 71) и др.;

II.4.4. при выделении группы неопределённых (т.е. условных) заимствований, фонетической особенностью первостепенной значимости (старо-)белорусского

6 Ср. лит. *šmėrtis* (ж. р.) 'смерть' (LKŽe) ← (ст.-/ср.-)польск. *śmierć* 'конец жизни, кончина; смерть' (SW VI: 739–740; SL V: 313–314; GS 202) \nexists ст.-блр. *смерть* 'смерть; смертная казнь; гибель; уничтожение; конец' (ГСБМ XXXI: 783–484) / др.-русс. *смерть* 'смерть; смертная казнь' (СРЯВ XXV: 172–174).

Эта закономерность не учитывается в случае фиксации данных звуков в конце слова (т.е. в слабой позиции) и в той позиции, где изменение *š* > *s* происходит не только под влиянием процесса адаптации звуков заимствования, но и системы фонотактических звеньев литовского языка (см. 5 сноску).

языка, предопределяющей статус данной группы лексем (подробнее см. Bušs 2008: 158), является соотношение и присутствие позиционных инвариантов задненёбного согласного *g* /g/ и щелевого (фрикативно-фарингального) *ɣ* /h/ (т.е. произношение задненёбного *g* /g/ белорусского языка [и его диалектов (подробнее см. Turonek 1984: 76; СБГП I: 11)] присуще (о позиционной модуляции данного звука белорусских говоров подробнее см. НБД 134–135; ещё см. Карский 1885: 24) лишь для некоторых заимствований [в говорах встречается двоякое произношение, ср. блр. диал. *vága* / *váya* ‘вес и др.’ (СБГП I: 264) ← польск. (диал.) *waga* ‘тж.’ (SW VII: 442–443; Karł VI: 64)] или в корне слова унаследованных форм с сочетаниями согласных *zg*, *dzg*, *джg*; во всех других случаях произносится щелевой *ɣ* /h/ (подробнее см. Карский 1885: 23; Pashkievich I: 3; Чахоўскі, Чахоўская 2010: 104)]⁷, ср., напр., ст.-лит. *handliavoti* ‘торговать’ (Skardžius IV: 140), первоисточником которого может быть лишь (ср.-)польск. *handlować* ‘торговать, заниматься торговым промыслом; манипулировать; вести себя; жить с любовницей’, а не ст.-блр. *гандлевати*, *гандлевать* ‘торговать’ (ГСБМ VI: 250; Булыка 1980: 82), поскольку ст.-блр. *кгандлевать* ‘тж.’ предопределяет произношение взрывного задненёбного согласного *g* /g/, противоположного щелевому /h/ примеров литовского языка по фонологическому признаку (см. 7 сноску; ср. Būga I: 349).

II.4.5. на основании в а в а ц и и („wałczenie“, т.е. перехода польск. *ł* в /ц/) латерального сонорного польск. *ł* (< прапольск. **l* + **j* [Dejna 1973: 114]), рефлексy которой представлены и в лексемах белорусского языка (этот принцип можно применять лишь в случае анализа диалектных форм и заимствований литовского языка более позднего периода [см. дальше]):

žalnierka (ж. р.) ‘жена солдата; женщина, проходящая военную службу’ (LKŽe) ← польск. диал. *żołnierka* ‘женщина, жена солдата; солдатская служба’ (IAKP II: 637; ср. SW VIII: 716; ещё см. Сегель 2008: 179) → *џ* ≠ блр. *жовнёрка* / *жаўнерка* ‘солдатка; разбитная женщина’ (Н 157; БН 101) *џ* блр. *жаўнёрка* ‘жена солдата’ (ТСБМ II: 254) и др.

Примечательно, что феномен вавации, в говорах польского языка возникший в конце XVI в. (т.е. в средний период этого западнославянского языка), не свой-

7 Необходимо обратить внимание на тот факт, что в письменных источниках старобелорусского языка встречаются параллельные формы некоторых лексем с задненёбным согласным *g* и диграфом *kg*, посредством которого обозначено произношение велярного характера, т.е. /g/ в противовес щелевому /h/. Такая графическая особенность, по мнению многих исследователей, является неоспоримым доказательством в пользу иноязычного происхождения слова и может применяться при идентификации заимствований (чаще всего — полонизмов) (см. Карский 1885: 69–70, 1962: 227; Булыка 1980: 212–213; ЭСБМ VIII: 26; ещё см. Būga I: 349; Smoktunowicz 2009: 213). К сожалению, обсуждение этого весьма важного фонологического нюанса отсутствует в работах по старобелорусскому языку Э. Фрэнкеля (Fraenkel 1936: 30–31) и Христиана Станга (Stang 1935, 1974).

ственен для ареала восточных (в том числе и говору м. Сувалки) и южных диалектов Польши (Dejna 1973: 115). По этой причине, лит. *ža-l-niėrius*, кроме примеров старолитовских письменных источников, возводим не к (ср.-)польск. *žo-l-nierz* /žo-ɥ-nieź/ ‘солдат; войско’ (SW VIII: 717; SL VI: 1002), но диалектной форме, т.е. польск. диал. /žo-l-nieź/.

II.4.6. на основании спорадических изменений согласных:

kantāplis 2 (м. р.) ‘полуботинок, башмак; деревянный башмак; башмак на деревянной подошве; обувь низкого качества’ (LKŽe)

← блр. диал. *канто́плі* ‘башмаки’ (СС I: 230; ЭСБМ IV: 240) ≠ блр. диал. *панто́флі, панто́плі* ‘тж.’ (СБГП III: 391; ЭСБМ IV: 240) ← ≠ польск. *pantofel* (*pantofla*) ‘домашняя туфля’ (< нем. *Pantoffel* ‘тж.’ ← франц. *pantoufle* ‘домашняя туфля’ ←? греч. [поздн.] **παντόφελλος* ‘пробковый’ [SW IV: 41; ЭСБМ VIII: 151; Фасмер III: 199; Kluge 2002: 677; Considine 2008: 61]) и др.;

II.5. на основании несоответствия гласных⁸:

II.5.1. из-за несоответствия гласных разных рядов *a* ↔ *e*, *é* в лексемах, возводимых или к первоисточнику польского, но отражающих фонетический состав восточнославянских заимствований из западнославянского (подробнее см. Kardelis 2003: 65 и т.д., 120–123), или праславянского (при совокупности той же самой дифференциации), кроме тех случаев, когда гласный заднего ряда находится после палатализованного согласного (см. Girdenis 1995: 151, 162–164):

dastameñtas 2 (м. р.) ‘завещание’ (LKŽe)

← ст.-блр. *достаментъ, даस्ताментъ, дастоментъ, достоменьтъ* (*дестаментъ*) ‘завещание’ (ГСБМ IX: 22) ← ≠ польск. диал. *destament, destement* (*destamen*) ‘завещание; Новый и Ветхий Заветы и др.’ (< лат. *testamentum* ‘завещание; Новый/Ветхий Завет’ (SW VII: 53; Karl V: 399)) и др.;

II.5.2. на основании несоответствия гласных того же самого ряда *a* ↔ *u* в лексемах, возводимых к первоисточнику польского, но отражающего фонетический состав восточнославянских заимствований из западнославянского:

8 Корреляции заимствований славянского происхождения, различающихся по тембровому признаку гласных, в СПЛЯ основывается на закономерности, сформулированной Витовтасом Кардалисом (см. Kardelis 2003: 90–91, 122–123), который, придерживаясь аргументации Казимира Буги (Būga I: 344), присутствие параллельных форм с *a* ↔ *o* / диал. *uo* изъясняет при помощи диверсификации заимствований по временному принципу: слав. *a* → лит. (славянизмов) *ā* (ранний этап) → лит. *o* (в ударяемом слоге [более поздний этап]) → лит. диал. *uo* (в ударяемом слоге [один из признаков идентификации диалектизмов]). Под воздействием этого процесса также произошло изменение лит. (славянизмов) *ie* (< слав. *e*). По этой причине, формы с различными гласными (по тембровому признаку) приводятся в одном лексико-семантическом гнезде.

samachādas 2 (м. р.) ‘автомобиль’ (ZtŽ 574)

← блр. диал. *самаход, самоход* ‘легковая машина; автобус’ (СБГП IV: 361; Цыхун 1993: 125) ← ꝥ польск. *samochód* ‘автомобиль’ (← [калька] франц. *automobile* ‘автомобиль’ (SW VI: 17; ср. Prati 1951: 78)) и др.;

II.5.3. на основании несоответствия гласных *e* ↔ *o* /*io*/:

klēckas 2 (м. р.) (мн. ч.) ‘клёцка из мучного теста или тёртой картошки; мучной комок с добавлением картошки для откорма гусей; ком (мучной, теста); печёные комочки из пшеничной муки с добавлением мака (праздничное кушанье, отве-
дываемое на кануне Рождества); ребёнок, подросток; мужская часть половых органов, производящая семя, яичко’ (LKŽe)

← блр. диал. *клёцкі (клёцкі)* ‘клёцки, галушки’ (СБГП II: 476) ꝥ русск. *клёцка* ‘ком-
мокъ изъ прѣснаго тѣста’ (Даль II: 118) ← ꝥ польск. диал. *klocka* ‘комок из пресного
теста; кушанье из поджаренной гречневой или пшеничной муки с добавлением
горячей воды и кусочков сала; мясные галушки’ (← ср.-польск. *klosek*, (мн.ч.) *kloski*
‘тж.’ < ср.-в.-нем. *klôz* ‘ком; желвак; шар и др.’ / нем. *Kloß* ‘мучной комок; мясная
галушка; ком’ (SW II: 366; SPXVI X: 371; Karl II: 372; Фасмер II: 249; ЭСБМ V: 60;
ЭССРЯ I: 399; MLex 110)) — о соотношении звуков /*io*/ ↔ /*e*/ и соответственно их
этиологической разновидности см. Kardelis 2003: 74;

II.5.4. на основании несоответствия гласных того же самого ряда *o* ↔ *и* в лексе- мах, возводимых к первоисточнику польского, но отражающих фонетический состав восточнославянских заимствований из западнославянского:

karūnavóti, -ója, -ójo (гл. транз.) ‘надеть корону, короновать, увенчивать; мучить,
сильно задеть’ (LKŽe)

← ст.-блр. *коруновати (короновати)* ‘короновать, увенчивать (короля, предста-
вителя духовенства); предоставить, наградить; закончить’ (ГСБМ XVI: 29–30; ср.
Швед 2011: 159) ← ꝥ (ст.-/ср.-)польск. (диал.) *koronować* ‘короновать, увенчивать
(короля, королеву); предоставить царскую власть; наградить (за военные заслуги);
избрать; закончить и др.’ (< лат. *coronare* ‘увенчивать и др.’ [SW II: 480; SPXVI X:
652–653; SL II: 1086; Karl II: 435]) и др.;

II.5.5. на основании спорадических вокальных изменений, присущих не первоисточнику польского языка, но восточнославянским за- имствованиям западнославянского происхождения:

grazmòlinti, -ina, -ino, grazmōlinti (гл. транз.) ‘писать неразборчиво, пачкать’
(LKŽe)

← блр. диал. *грамзóліць* ‘писать неразборчиво, каракулями’ (Крыўко 1977: 214 (с ме-
татезой -мз- < -зм-)) ← ꝥ польск. (диал.) *gryzmolić* ‘писать каракулями; некрасиво
рисовать, пачкать; портить’ (SW I: 927; Karl II: 137) → ꝥ блр. диал. *грымóлы* ‘кара-
кули’ (СБГП I: 490), блр. *грымзóлі (крымзóлі)* ‘каракули; неразборчивый подчерк’
(← (мн.ч.) польск. *gryzmoty* ‘гнусная писанина и др.’ (SW I: 928; ЭСБМ III: 109)) и др.;

II.5.6. на основании присутствия дифтонгойда лит. *ie* < др.-русск. *ь* (Būga I: 345–346, III: 825), фонетически контрастного лит. *ė* /*ę*/ < польск. *ia* (см. Kardelis 2003: 92–93; ещё см. Jancza 1984: 116):

kvietkà 2, 4 (ж.р.) ‘цветок; цветок растения; цветочный букет; украшение’ (LKŽe)

← блр. (диал.) *квітка* / *квётка* ‘цветок; веточка; стебелёк’ (Н 233; БН 145; СБГП II: 453; ещё см. ЭСБМ V: 12),

|| *Ж* польск. диал. *kwiątka* ‘цветок с раскрывшимися бутонами; прекрасное дело, украшение; мясной жир; пивная пена поверху кадки и др.’ (IAKP I: 321) и др.;

III. на основании несоответствия морфологической структуры слова:

slebizavõnė 2 (ж.р.) ‘упражнения для чтения по буквам’ (LKŽe)

← блр. *слибизованне* ‘чтение по буквам’ (Н 590) ← *Ж* польск. *syllabizowanie* ‘чтение по буквам’ (< ср.-лат. *syllabizare* ‘тж.’ (SW VI: 535; Niermeyer 1976: 971)) и др.;

IV. на основании несоответствия морфологического типа и структурных элементов заимствования по отношению к западнославянскому первоисточнику:

bėstyti, -ija, -ijo (гл. интранз.) ‘ёрничать, гадить’ (DvŽ I: 61)

← блр. (диал.) *бзціць* ‘лаять; ругать; клеветать; пачкать одежду, гадить’ (ТСБМ I: 433; СБГП I: 256; ЭСБМ I: 436) ← *Ж* (ср.-)польск. (диал.) *bestwieć, bestwić* ‘гнушно (по зверски) себя вести; издеваться; ёрничать; быть в течке (о животных); возбудить страсть’ (← (ср.)польск. *bestylja* ‘(дикое) животное, зверь; чудовище; (о человеке) скотина, негодник, негодяй, мошенник; озорник’ < ср.-лат. *bestia* ‘животное; верховная лошадь (мул, осёл); охотничье животное’ (SW I: 117; SPXVI II: 49–51; SGP II: 68; Brückner 1985: 22; Moszyńska 1975: 164; Leeming 1976: 42; ЭСБМ I: 436; Аникин III: 155–156; Niermeyer 1976: 97)) и др.;

IV.1. на основании несоответствия категории рода первоисточника польского языка, в соотношении коррелятивных заимствований литовского и восточнославянских языков:

branzaliėtas 2 (м.р.) ‘украшение, одеваемое на запястье руки; браслет’ (LKŽe)

← блр. *бранзалёт* ‘браслет’ (БН 47) *Ж* блр. диал. *бранзалёта* ‘тж.’ (СБГП I: 213) ← *Ж* польск. *bransoleta* ‘браслет’ (< нем. *Branzolette* ‘браслет’ ← франц. *bracelet* ‘запястье, браслет, нарукавник (у золотильщиков)’ (SW I: 201; ЭСБМ I: 377–378)) и др.;

IV.2. на основании несоответствия структурных элементов флексии (при отсутствии морфологических эквивалентов и придерживаясь принципа обусловленности⁹⁾):

cimusas 1 (м. р.) ‘самое главное, самое лучшее’ (LKŽe)

← блр. (диал.) *цымус* ‘то, что главное; сладкое блюдо из моркови’ (ТСБМ V²: 258; Галай 2011: 362), русск. *цѳмус* (*цѳмес*) ‘нечто отличное, качественное; сладкое овощное блюдо’ (Громан 1995: 55) ← \nexists польск. (диал.) *cytes* ‘нечто отличное, качественное, отборное; деликатес, приправа; доход’ (< идш. *cimes* / סמס *‘тушеные овощи (в особенности — морковь); тушеные фрукты; высший сорт, т.е. то, что самое лучшее, качественное’* ← 1) [? →] ивр. *cimūt* / צמץ *‘маринование’*; 2) ср.-в.-нем. *zuomūese* ‘закуска; гарнир’ (SW I: 360; Karl I: 266; SGP IV³: 593; Weinreich 1977: 311; סמס 342 :2011; Громан 1995: 55; Brzezina 1986: 55; Wołosz 1991–1992: 4–5; MLex 501; Kregždys 2013: 63) → \neq блр. *цѳмусь* ‘вареная морковь с пастернаком, приправленная мѳдом’ (Н 692; БН 340), блр. диал. *цѳмус* ‘тушеная морковь с мясом’ (СБГП V: 370), блр. диал. *цѳмэс* ‘лакомство; такое блюдо’ (Ляшкевич 2004: 32) и др.;

IV.3. на основании инновационных структурных элементов восточнославянских языков (в особенности — белорусского), отсутствующих в первоисточнике польского языка:

bakšta ‘башня’ (Skardžius IV: 95)

← ст.-блр. *бакишта* (*баишта*) ‘оборонительная башня’ (ТСБМ I: 208; Булыка 1980: 65) \nexists блр. *баишта* ‘арестантская, тюрьма; башня’ (Н 17), др.-руссск. *баишта* ‘башня’ (СРЯВ I: 83) ← \nexists (ст.-/ср.-)польск. (диал.) *baszta* ‘башня; возвышенность, сооружена для военных целей и др.’ (< (ст.-)чеш. *bašta* ‘крепость’ ← ит. *bastia* ‘оборонительное укрепление города или лагеря’ / ← ср.-лат. *bastia* ‘крепость, укрепление; загородная вилла’ (SW I: 104; SPXVI II: 27; SL I: 61; SStp I: 70; SGP I²: 426; ЭСБМ I: 338; Фасмер I: 139; Machek 1968: 47–48; Rejzek 2001: 72; Schuster-Šewc I: 22; LEW 52; Blaise 1994: 99; ещё см. Щитова 2006: 196; Urbutis 2009: 420, 435; ALEW; ср. Непокупный 1976: 173–174)) — этимологию вставного *-k*¹⁰, которая до сих пор остаётся невыясненной, видимо, можно объяснить при помощи аналогии, т.е. воздействию народной этимологии: I. польск. *ba-k-sztyn*, *ba-k-sztynia* ‘боковой камень или стена домны’ (SW I: 86); II. первоисточника последнего, т.е. нем. *Ba-ck-stein* ‘выжженный кирпич’ (SW I: 86; Kluge 2002: 81), поскольку башни строили из кирпичей, к тому же их форма, по визуальному признаку, соотносима с внешним видом доменной печи, строившейся из тех же строительных материалов;

V. на основании соответствия семантической совокупности заимствования литовского языка и его западно- или восточнославянского

9 К не обусловленным (или тем, которые, по словам В. Урбутиса (Urbutis 1978: 222) „<...> соответствуют принципам строения деривационного типа и совокупности форманта.“) относятся морфологически индифферентные окончания: *-al/-ė*, *-ia/ė*; *-as/-is/-ys/(i)us*. Такие морфологические варианты причисляются к одной лексико-семантической группе (при этом особое внимание уделяется родовому признаку лексем).

10 Форма с *-k*- заимствована в украинском в середине XVI в. (фиксируется в документах 1545–1552 гг.), ср. ст.-укр. *бакишта*, *бакъишта* ‘башня, опора’ (см. СУМ XVI–XVII ст. II: 32; ещё см. Непокупный 1976: 173–174; Непокупный 1979: 107–108).

первоисточника (польского происхождения), которое рассматривается как фактор первостепенной важности, имеющий непосредственное отношение к установлению этиологии форм инородного лексического пласта:

pāškas 2 (м. р.) ‘супонь; чересседельник’ (ZtŽ 459)

← блр. диал. *pāsak* ‘чересседельник; пояс; ленточки и др.’ (СБГП III: 422–423) ≠ блр. (диал.) *pāsock* / *pasak* ‘поясок, узкая ленточка’ (Н 394; БН 224; ТС IV: 16), русск. диал. *пасок* ‘пояс для одежды’ (СРНГ XXV: 260; ср. Фасмер III: 211) ← ≠ (ст./ср.-) польск. (диал.) *pasek* ‘длинная верёвка для подтягивания и др.’ (SW IV: 73; SPXVI XXIII: 275; Karl IV: 45; Brückner 1985: 397–398) и др.;

VI. на основании статуса вторичного полонизма, первоисточником которого являются белорусизмы (унаследованного или иноязычного происхождения, с западнославянскими заимствованиями совпадающие и по морфологическому, и семантическому признакам):

apīšepas 1 (м.р.) ‘верхняя часть домового венца’ (LKŽe)

← блр. диал. *ачэп* (*аччэпа*) ‘шест, на который надевают венок при окончании работы над крышей дома; опорная дверная, оконная перекладина; балка, перекладина’ (СБГП I: 138; ЭСБМ I: 232–233) → польск. диал. *oczer* ‘опорная дверная, оконная перекладина; балка, перекладина; столб, к которому прикрепляется колодезный журавль’ (SW III: 559) и др.;

VII. на основании статуса вторичного полонизма, первоисточником которого являются руссизмы (унаследованного или иноязычного происхождения, с западнославянскими заимствованиями совпадающие и по морфологическому, и семантическому признакам):

kanavuzas (м. р.) ‘полосатая шерстяная ткань с примесью хлопка для шитья юбок’ (LKŽe)

← русск. *канаусь* ‘шелковая ткань, изъ сырца или полусырца’ (< перс. *qanāviz* ‘канаус, тафта’ (Даль II: 84; Эдельман IV: 219; Фасмер II: 178)) → польск. *kanaus* ‘шелковая персидская ткань’ (SW II: 229) и др.;

VIII. на основании статуса вторичного полонизма, первоисточником которого являются украинизмы (унаследованного или иноязычного происхождения, с западнославянскими заимствованиями совпадающие и по морфологическому, и семантическому признакам):

rumókas 1 (м.р.), *rùmokas* ‘поводатарь; крупный, неуклюжий человек; спокойный, сдержанный человек’ (LKŽe)

← (ср.-)польск. *rumak* ‘конь; рысак’ (< укр. *румáк* ‘тж.’ ← тат. *argamak*/аргамак ‘боевой конь; рысак’ (SW V: 768; SL V: 141; Brückner 1985: 468; LEW 748; ЕСУМ V: 140; Аникин I: 267; СУМ VIII: 907; DDT 13)) и др.;

IX. л а т и н и з м ы, не зафиксированные в лексикографических сводах польского языка:

judikavoti ‘судить’ (Skardžius IV: 149)

← лат. *judicare* ‘вести судебное разбирательство, судить, выносить приговор, решать дело, иметь суждение, приходить к заключению и др.’ ≠ польск. *judykat* ‘приговор суда’ (< лат. *judicatum* ‘приговор’ (SW II: 185)) — Пранас Скарджюс (Skardžius IV: 149) приводит форму польск. ‡ *judikować*, которая отсутствует не только академических лексикографических сводах польского языка (начиная со старопольского (см. SStp III: 64, 203)), но также в словарях по юриспруденции (разных эпох, ср. SiPr 34; Szczepankowska I: 198) и др.

Необходимо упомянуть, что в LKŽ(e) приводятся немало о ш и б о ч н ы х э т и м о л о г и ч е с к и х с с ы л о к. По этой причине, некоторые слова, в этом лексикографическом своде причисленные к западнославянским заимствованиям, на самом деле являются псевдополонизмами, ср.:

būceg ‘словно, подобно, как бы’ (LKŽe)

← русск. диал. *бу́цак* ‘словно, подобно’ (СРНГ III: 327) ≠ блр. *бу́цца* ‘тж.’ (Н 40; ещё см. ЭСБМ I: 432; ALEW),

‖ ≠ ст.- / ср.-польск. (диал.) *boć* ‘словно, хотя, как бы и др.’ (SPXVI II: 251–254; SGP II²: 330–331) и др.

Иногда авторы LKŽ(e) происхождения некоторых лексем балтийского первоисточника объясняют при помощи заимствований из польского языка, ср.:

pérspetis 1 (м.р.) ‘жребий, суеверие’ (LKŽe)

видимо, не является заимствованием (калькой), соотносимым с (ср.-)польск. *przesąd* ‘суеверие и др.’ (SW V: 188; SPXVI XXXII: 155), но производной формой с префиксом лит. *per-* + им. сущ. лит. диал. **spētis* ‘догадка’, т.е. отглагольным дериватом гл. лит. *pérspėti* (транз.) ‘указать грядущую угрозу или возможные плохие последствия’ (LKŽe), ср. им. сущ. лит. диал. *spėtas* 2 (м.р.) ‘догадка’ (LKŽe; ещё см. Skardžius I: 321) ← лит. *spėti*, *-ja*, *-jo* (гл. транз., интранз.) ‘пробовать указать правильно, не зная точно; отгадать (загадку); думать, мыслить; определить; предсказывать, пророчить; указать грядущую угрозу или возможные плохие последствия, предупредить’ (LKŽe) и др.

3. ВЫВОДЫ

- 1) Придерживаясь принципов (α) установления первоисточника вариантов литовского заимствования (по ареальному признаку), (β) их фонетической/ морфологической/ семантической тождественности (соотносимой с модуляцией α), а также употребления первичных форм (необязательно унаследованного пласта) на почве западнославянского и вторичных их вариантов в восточнославянских языках (основываясь на воздействии факторов

- α и β), полонизмы литовского языка могут быть распределяемы на 3 группы: I. **м о н о г е н н ы е** (т.е. однородные, не представленные в лексическом составе восточнославянских языков [основываясь на факторе α]); II. **н е о п р е д е л е н н ы е** (при наличии вариантов заимствования из польского в лексическом составе восточнославянских языков [по фактору α] разного периода времени); III. **а л ь т е р н а т и в н ы е** (III.1. формы унаследованного словарного состава, присущие польскому и одному из восточнославянских языков [основываясь на факторе α]; III.2. дублетные лексические варианты не славянского происхождения, возводимые к разному первоисточнику; III.3. семиполонизмы).
- 2) Присутствие диграфа *kg* в структуре лексем старобелорусских письменных источников, отражающего фонетическую особенность произношения эксплозивного задненёбного согласного блр. *g* /g/ в заимствованиях и в словах унаследованного пласта с сочетаниями согласных *zg, džg, džg*, является одним из предопределяющих факторов по дистрибуции моногенных, неопределённых и альтернативных полонизмов литовского языка.
 - 3) Спирантизация западнославянского сонорного **ř* (> *ř* /ž/ или /š/ [до XVII в.]), принимая во внимание наличие фактора временного различия, является идентификационным признаком первостепенной важности, подразделяя заимствования литовского языка на полонизмы и белорусисмы.
 - 4) Феномен вокализации латерального сонорного польск. *ł* (т.е. перехода польск. *ł* в /ц/), или вавации, следы которого представлены в заимствованиях литовского языка более позднего периода и диалектных формах, и в лексемах белорусского языка, предопределяет разделение иноязычной лексики на полонизмы и белорусизмы.
 - 5) Распределяя заимствования по признаку несоответствия гласных, должен учитываться не тембровый их оттенок, но системная принадлежность.
 - 6) Соответствие семантической совокупности заимствования литовского языка и его западно- и/или восточнославянского первоисточника предопределяет установление этиологического статуса иноязычного слова.
 - 7) Слова восточнославянского происхождения польского языка (т.е. вторичные полонизмы) не предопределяют установление статуса полонизма заимствований литовского языка.

Сокращения

Языковые

блр. — белорусский; **греч. (поздн.)** — древнегреческий позднего периода; **др.-русск.** — древнерусский; **ивр.** — иврит; **идш.** — идиш; **ит.** — итальянский; **лат.** — латинский; **лит.** — литовский (позднего периода [с XVIII в.]); **нем.** — немецкий (нового периода

[с XVII в.]); **перс.** — персидский; **польск.** — польский (нового периода [с XIX в.]); **праслав.** — праславянский; **русск.** — русский; **ср.-в.-нем.** — средневерхненемецкий (XI в. — 1350 г.); **ср.-лат.** — латынь средних веков; **ср.-польск.** — польский среднего периода (XVI–XVIII вв.); **ст.-блр.** — старобелорусский (конец XIV в. — XVIII в.); **ст.-лит.** — старолитовский (XVI — XVII вв.); **ст.-польск.** — польский древнего периода (2-ая половина XII в. — XV в.); **ст.-слав.** — старославянский; **ст.-укр.** — староукраинский; **ст.-чеш.** — старочешский; **тат.** — татарский; **тур.** — турецкий; **тюрк.** — тюркские языки; **укр.** — украинский; **франц.** — французский; **чеш.** — чешский; **чув.** — чувашский.

Грамматических и др. терминов

гл. — глагол; **диал.** — диалектная форма; **ж. р.** — женский род; **интранз.** — интранзитивный (глагол); **им. сущ.** — имя существительное; **м. р.** — мужской род; **мн. ч.** — множественное число; **прилаг.** — прилагательное; **тж.** — тоже самое значение; **транз.** — транзитивный (глагол).

Значение графических знаков

- ← знак непосредственного заимствования
- ↔ знак частичного (т.е. корня и некоторых других частей слова) заимствования
- знак вторичного заимствования (напр., по отношению западнославянского первоисточника и его восточнославянских вариантов и др.)
- ≠ знак семантического несоответствия (по отношению к лексемам литовского языка)
- ⊘ знак фонетического или морфологического несоответствия (по отношению к лексемам литовского языка)
- || знак альтернативного направления заимствования
- ~ знак сравнения
- (диал.) знак альтернативного диалектного употребления
- (...) лексические варианты, разнившиеся фонетическими или морфологическими компонентами
- ‡ знак искусственно созданных лексических единиц
- /.../ знак фонетической транскрипции
- * реконструированная форма

Литература

- Аникин I–VI: А.Е. Аникин, *Русский этимологический словарь*, т. 1–6... Москва 2007–2012...
- Ашмарин I–XVII: Н.И. Ашмарин, *Словарь чувашского языка*, т. 1–17, Чебоксары 1994–2000.
- БН: М.Я. Байкоў, С.М. Некрашэвіч, *Беларуска-расійскі слоўнік. Факсімільнае выданьне*, Мінск 1993.
- БРС I–III: *Беларуска-рускі слоўнік* 1–3, рэд. К.К. Атраховіч, Мінск, 2003.
- ГСБМ I–XXXIII...: *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, т. 1–33... Мінск 1982–2013...
- Даль I–IV: В. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка* т. 1–4, Москва 1989–1991.

- ЕСУМ I–VI...: *Етимологічний словник української мови* т. 1–6, отв. ред. О.С. Мельничук, Київ 1982–2012...
- Н: И.И. Носовичъ, *Словарь бѣлорускаго нарѣчія* (Specimina philologiae Slavicae), München, 1984.
- НБД: *Нарысы па беларускай дыялекталогіі*, ред. Р.І. Аванесов, Мінск 1964.
- СБГП I–V: *Слоўнік беларускіх гаворак Паўночна-Заходняй Беларусі і яе пагранічча* т. 1–5, Мінск 1979–1986.
- СРЕЗНЕВСКИЙ I–III: И.И. Срезневский, *Материалы для словаря древне-русского языка по письменнымъ памятникамъ*, т. 1–3, Санкт Петербургъ 1893–1912.
- СРНГ I–XLIII...: *Словарь русских народных говоров*, т. 1–43, Ленинград (Санкт Петербург) 1965–2010...
- СРЯВ I–XXIX...: *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, т. 1–29... Москва 1975–2011...
- СС I–III: *Слоўнік Сянношчыны 1 (а–к)*... ред. В.М. Курцова, Л.П. Кунцэвіч, Мінск 2013...
- СУМ I–XI: *Словник української мови* т. 1–11, Київ 1970–1980.
- СУМ XVI–XVII ст. I–XV...: *Словник української мови XVI– першої половини XVII ст.* 1–15... Львів 1994–2010...
- ТС I–V: *Тураўскі слоўнік* 1–5, ред. А.А. Крывіцкі, Мінск 1982–1987.
- ТСБМ I–V^{1–2}: *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*, т. 1–5, ред. К.К. Атраховіч (К. Крапіва), Мінск 1977–1984.
- ФАСМЕР I–IV: М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, т. 1–4, Москва 1986–1987.
- ШАНСКИЙ I–II: Н.М. Шанский, *Этимологический словарь русского языка*, т. 1^(1–5)–2^(6–8) (9^{–10} ред. А.Ф. Журавлёв), Москва 1963–1982, 1999–2007...
- ЭДЕЛЬМАН IV...: Д.И. Эдельман, *Этимологический словарь иранских языков*, т. 4 ([с 2000 по 2007 гг.] В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман, *Этимологический словарь иранских языков* т. 1–3), Москва 2011...
- ЭСБМ I–XIII...: *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, т. 1–13, ред. В.У. Мартынаў ([с 2004 г.] Г.А. Цыхун), Мінск 1978–2010...
- ЭССРЯ I–II: *Этимологический словарь современного русского языка*, составитель А.К. Шапошников, Москва 2010.
- ЭССЯ I–XXXVI...: *Этимологический словарь славянских языков*, т. 1–36, отв. ред. О.Н. Трубачев ([с 2007 г.] А.Ф. Журавлев), Москва 1974–2010...
- ALEW: *Altlitauisches etymologisches Wörterbuch*, DFG, 2007–2014 (www2.hu-berlin.de/indogermanistik/alew.php).
- BŪGA I–III: K. Būga, *Rinktiniai raštai* 1–3, sud. Z. Zinkevičius, Vilnius 1958–1961.
- DDT: T. Dawletschin, I. Dawletschin, S. Tezcan, *Tatarisch-Deutsches Wörterbuch*, Wiesbaden, 1989.
- DvŽ I–II: *Dieveniškų šnektos žodynas* 1–2, autoriai: L. Grumadienė, D. Mikulėnienė, K. Morkūnas, A. Vidugiris, Vilnius 2005–2010.
- GS: W. Decyk-Zięba, S. Dubisz (red.), *Glosariusz staropolski: dydaktyczny słownik etymologiczny*, Warszawa 2008.
- IAKP I–II: *Indeks alfabetyczny wyrazów z kartoteki „Słownika gwar polskich”* т. 1–2, red. J. Reichan, Kraków 1999.
- KARŁ I–VI: J. Karłowicz, *Słownik gwar polskich*, т. 1–6, Kraków 1900–1911.

- LEW: E. Fraenkel, *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, t. 1–2, Heidelberg 1962–1965.
- LEŽ: W. Smoczyński, *Słownik etymologiczny języka litewskiego*, Wilno 2007.
- LKE: *Lietuvių kalbos enciklopedija*, par. K. Morkūnas, Vilnius 1999.
- LKŽE: *Lietuvių kalbos žodynas* (t. 1–20, 1941–2002) elektroninis variantas; antrasis elektroninis leidimas; red. kolegija: G. Naktinienė ir kt., Vilnius 2013.
- MLEX: *Matthias Lexers Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch*. 37 Auflage, Leipzig 1986.
- PASHKIEVICH I–II: V. Pashkievich, *Fundamental Byelorussian* 1–2, Toronto 1974–1978.
- ROZWADOWSKI I–III: J. Rozwadowski, *Wybór pism*, t. 1–3, Warszawa 1959–1961.
- SCHUSTER-ŠEWC I–IV: H. Schuster-Šewc, *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*, Bd. 1–4, Bautzen 1978–1989.
- SGP I–VIII^(1–26)...: *Słownik gwar polskich*, t. 1–8... Wrocław — Kraków 1979–2013...
- SKARDŽIUS I–VII: P. Skardžius, *Rinktiniai raštai* 1–7, Vilnius 1996–2013.
- SL I–VI: S.B. Linde, *Słownik języka polskiego*, t. 1–6, Warszawa 1807–1814.
- SŁAWSKI I–V: S. Sławski, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, t. 1–5, Kraków 1952–1982.
- SŁPR: *Słownik prawniczy polsko-rosyjski*, red. L. Bar, Wrocław — Łódź 1986.
- SPXVI: I–XXXVI...: *Słownik polszczyzny XVI wieku*, t. 1–36, Wrocław — Kraków 1966–2012...
- SSTP I–XI: *Słownik staropolski* 1–11, red. S. Urbańczyk, Warszawa — Kraków 1953–2002.
- SW I–VIII: J. Karłowicz, A.A. Kryński, W. Niedźwiedzki (red.), *Słownik języka polskiego*, t. 1–8, Warszawa 1898–1923.
- SZCZEPANKOWSKA I–II: I. Szczepankowska, *Język prawny i Rzeczypospolitej w „Zbiorze praw sądowych” Andrzeja Zamoyskiego t. 1 (Pojęcia prawne), t. 2 (Wypowiedzi normatywne)*, Białystok 2004.
- ZTŽ – A. VIDUGIRIS, *Zietelos šnektos žodynas*, Vilnius, 1998.
- АЛЕКСЕЕВА М.М., 2008, Особенности адаптации лексических заимствований из близкородственных языков (на примере полонизмов в лекомских говорах украинского языка), „Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена” 85, s. 168–174.
- АНАНЬЕВА Н.Е., 1994, *История и диалектология польского языка: Учебник*, Москва.
- БУЛЫКА А.М., 1980, *Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст.*, Мінск.
- ГАЛАЙ В.М., 2011, *Элементы яўрэйскага культурнага ўплыву ў беларускай мове*, [w:] ред. Г.В. Синило, *Белорусско-еврейский диалог в контексте мировой культуры*, Минск, s. 360–362.
- ГАРБУЛ Л.П., 2009, *Семантические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века*, Вильнюс.
- ГРОМАН Ш., 1995, *Слова ивритского происхождения в русском языке и как они помогают изучать иврит*, Тель-Авив.
- КАРСКИЙ Е.Ф., 1885, *Обзор звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи*, Москва.
- КАРСКИЙ Е.Ф., 1962, *Труды по белорусскому и другим славянским языкам*, Москва.
- КРЫЎКО М.Н., 1977, *З экспрэсіўнай дзеяслоўнай лексікі гаворак Міёрскага раёна*, [w:] ред. А.А. Крывіцкі, Ю.Ф. Мацкевіч, *Народная лексіка*, Мінск, s. 212–215.
- ЛЯШКЕВІЧ І., 2004, *Альпёнскі дыялектны слоўнік*, Альпень-Берасье.
- МАЦКЕВІЧ Ю.Ф., 1975, *Лексіка пчалярства*, [w:] ред. А.А. Крывіцкі, Ю.Ф. Мацкевіч, *З на-роднага слоўніка*, Мінск, s. 204–217.
- НЕПОКУПНЫЙ А.П., 1976, *Балто-севернославянские языковые связи*, Киев.
- НЕПОКУПНИЙ А.П., 1979, *Балтійські родичі слов'ян*, Київ.

- СЕГЕЛЬ Л., 2008, *Словообразовательная категория femina agentis в русском, белорусском и польском языках*, „*Studia Wschodniosłowiańskie*” 8, s. 177–184.
- СЦЯШКОВІЧ Т.Ф., 1983, *Слоўнік Гродзенскай вобласці*, Мінск.
- ЦЕЛУНОВА Е.А., 2006, *Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова. Текст, словоукзатель, исследование*, Москва.
- ЦЫХУН А.П., 1993, *Скарбы народнай мовы (з лексічнай спадчыны насельнікаў Гродзенскага раёну)*, Гродна.
- ЧАХОЎСКІ Г.К., ЧАХОЎСКАЯ Т.Л., 2010, *Сучасная беларуская мова. Фанетыка. Фаналогія. Арфаэнія*, Мінск.
- ШВЕД М.М., 2011, *Лексіка-семантычная класіфікацыя лацінізмаў у палемічных творах Іпація Пацяя; [w:] ред. М.Р. Прыгодзіч, Беларускае слова: дыялектнае запазычанае. Матэрыялы навуковых чытанняў, прысвечаных памяці дацэнта Еўдакіі Сцяпанавічы Мяцельскай*, Мінск, s. 159–161.
- ЩИТОВА О.Г., 2006, *Польские заимствования в Томской разговорной речи XVII века*, „*Вестник Томского государственного университета*” 291, s. 195–199.
- ЮСИПОВА Р.Р., 2005, *Турецко-русский словарь*, под ред. Т.Е. Рыбальченко, Москва.
- BLAISE A., 1994, *Dictionnaire Latin-Français des auteurs du Moyen-Age. Lexicon Latinitatis Medii Aevii*, Tvrnholti.
- BRÜCKNER A., 1877, *Litu-Slavische Studien 1. Teil: Die slavischen Fremdwörter im Litauischen*, Weimar.
- BRÜCKNER A., 1985, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa.
- BRZEZINA M., 1986, *Polszczyzna Żydów*, Warszawa — Kraków.
- BUŠS O., 2008, *No ģermānismiem līdz superlatīvam*, Rīga.
- CONSIDINE J., 2008, *Dictionaries in Early Modern Europe: Lexicography and the Making of Heritage*, Cambridge.
- DEJNA K., 1973, *Dialekty polskie*, Wrocław — Gdańsk.
- DERKSEN R., 2008, *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*, Leiden & Boston.
- FRAENKEL E., 1936, *Der Stand der Erforschung des im Wilnagebietes gesprochenen Litauischen*, „*BalticoSlavica*” 2, s. 14–107.
- GIRDENIS A., 1995, *Teorinės fonologijos pagrindai*, Vilnius.
- JANCZA M., 1984, *Wpływy słowiańskie w języku tekstów folklorystycznych ze wsi litewskich województwa suwalskiego*, [w:] I. Maryniakowa, E. Smułkowa (red.), *Studia nad gwarami Białostoczczyzny. Morfologia i słownictwo*, Warszawa, s. 113–122.
- KARDELIS V., 2003, *Rytų aukštaičių šnektų slavizmų fonologijos bruožai*, Vilnius.
- KLUGE F., 2002, *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*, 24 Aufl. bearb. von E. Seebold, Berlin & New York.
- KREGŹDYS R., 2012, *Charakterystyka słownika polonizmów w języku litewskim*, „*LingVaria*” 14 (2), s. 125–146.
- KREGŹDYS R., 2013, *Leksiniai skoliniai — tautų kultūrinės interferencijos refleksija: lietuvių kalbos polonizmai-semitizmai*, „*Baltu filologija*” 22(2), s. 55–93.
- KUDZINOWSKI Cz., 1974, *Rzeczowniki o osnowie na -eu/-ou- w Postylli Daukszy*, [w:] J. Kuryłowicz (red.), *Studia indoeuropejskie*, Kraków, s. 97–102.
- LEEMING H., 1976, *Rola języka polskiego w rozwoju leksyki rosyjskiej do roku 1696. Wyrazy pochodzenia łacińskiego i romańskiego*, Wrocław — Kraków.
- МАШЕК V., 1968, *Etymologický slovník jazyka českého*, 2. vydání, Praha.

- MOSZYŃSKA D., 1975, *Morfologia zapożyczeń łacińskich i greckich w staropolszczyźnie*, Wrocław – Gdańsk.
- NIERMEYER J.F., 1976, *Mediae Latinitatis lexicon minus*, Leiden.
- OTRĘBSKI J., 1964, *Udział Jaćwingów w ukształtowaniu języka Polskiego*, „Acta Baltico-Slavica” 1, s. 207–216.
- PALIONIS J., 1967, *Lietuvių literatūrinė kalba XVI–XVII a.*, Vilnius.
- PRATI A., 1951, *Vocabolario etimologico italiano*, Torino.
- REJZEK J., 2001, *Český etymologický slovník*, Praha.
- SMOKTUNOWICZ K., 2009, *Latopisy białorusko-litewskie: geneza, redakcje, język*, „Studia Wschodniosłowiańskie” 9, s. 203–216.
- מאָסקווע, גרויס יידיש-רוסיש ווערטערבוך, 2011, אַ סאַלדאַטאָוו
- STACHOWSKI St., 1995, *Osmanisch-türkische und tatarische Lehnwörter im Polnischen und ihre Bedeutung für die türkische Wortgeschichte*, [w:] *Laut- und Wortgeschichte der Türkssprachen: Beiträge des internationalen Symposiums, Berlin, 7. bis 10. Juli 1992* / hrsg. von B. Kellner-Heinkele und M. Stachowski, Wiesbaden, s. 155–171.
- STANG Chr. S., 1935, *Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen*, Oslo.
- STANG Chr. S., 1974, *Gh, h in weissrussischen Lehnwörtern im Altlitauischen*, [w:] J. Kuryłowicz (red.), *Studia indoeuropejskie*, Kraków, s. 231–237.
- STRUTYŃSKI J., 2002, *Elementy gramatyki historycznej języka polskiego*, Kraków.
- TURONEK Z., 1984, *Struktura leksykalna białoruskiej gwary wsi Ruszczany w aspekcie zapożyczeń z języka polskiego*, [w:] E. Smułkowa, I. Maryniakowa (red.), *Studia nad gwarami Białostoczczyzny. Morfologia i słownictwo*, Warszawa, s. 73–90.
- URBUTIS V., 1978, *Žodžių darybos teorija*, Vilnius.
- URBUTIS V., 2009, *Baltų etimologijos etidai* 2, Vilnius.
- WALCZAK B., 1995, *Zarys dziejów języka polskiego*, Poznań.
- WEINREICH U., 1977, *English-Yiddish, Yiddish-English Dictionary*, New York.
- WOŁOSZ R., 1991–1992, *Wyrazy węgierskie w języku polskim II*, „Studia Slavica Hungarica” 37, s. 3–27.
- ZINKEVIČIUS Z., 1978, *Mintys pasirodžius Lietuvių kalbos atlasui I*, „Baltistica” 14(2), s. 147–151.
- ZINKEVIČIUS Z., 1988, *Lietuvių kalbos istorija III. Senųjų raštų kalba*, Vilnius.

The methodology and criteria of identification of Polish loanwords in Lithuanian

Summary

The article examines the methodology and criteria of identification of Polish loan words in Lithuanian. Also etymology, peculiar developments, and trends in the infiltration of these borrowings are discussed.

The following conclusions are proposed based on our analysis:

- 1) Polonisms in Lithuanian can be divided into three groups, based on the principles of (α) establishing the primary source of the variants of the Lithuanian word (through areal distribution), and (β) the words' phonetic, morphological and semantic identity (correlated with the modulation of α). Also taken into account are peculiarities in the usage of the primary forms (not necessarily in the inherited layer) on the West Slavic ground, and their secondary variants in the East Slavic languages (based on the influence of factors α and β). The resulting three groups are: I. m o n o-

g e n i c (i.e. homogenous, not represented in the vocabulary of the East Slavic languages (based on factor α)), II. i n d e t e r m i n a t e (due to the presence of variants of loanwords from Polish in East Slavic vocabulary (factor α) in different time periods), III. a l t e r n a t i v e (III.1. forms belonging to the inherited layer, characteristic of Polish and one of the East Slavic languages (with regard to factor α); III.2. doublet variants of foreign origin, derived from a different primary source; III.3. Semipolonisms).

- 2) The *kg* digraph is one of the crucial characteristics that allows Polish loanwords in Lithuanian to be divided into the monogenic, indeterminate, and alternative. It is attested in the structure of Old Belorussian lexemes, and it reflects the phonetic feature of the Belorussian explosive velar consonant *z* /*g*/ in loanwords and in words of the inherited layer, in combinations with other consonants: *зз*, *дзз*, and *джз*.
- 3) Spirantization of the West Slavic sonant **ř* (> *ř* /*ž*/ or /*ś*/), when the temporal factor is taken into account (the process operated till the 17th c.), is a feature of paramount importance as it allows Lithuanian words to be identified and attributed to either Polish or Belorussian.
- 4) The phenomenon of vocalization of the Polish lateral sonant *ł* (the shift to /*u*/), also known as vavation, is reflected in those loanwords in Lithuanian which belong to a later period, in dialectal forms, and also in Belorussian lexemes, and it regulates the division of borrowings into Polonisms and Belorussianisms.
- 5) When attributing loanwords based on differences in vowels, it is their place in the system that should be considered, not their pronunciation.
- 6) The etymological status of the borrowing is determined by a match between the semantic value of the word in Lithuanian, and the original form in the West and/or East Slavic languages.
- 7) The fact that the Polish etymon is itself of East Slavic origin, has no influence on the establishing of the status of Polonism for a borrowing into Lithuanian (so-called secondary Polonisms).